

Носенлов

Рассказы
для детей
(сб. 1)

У 8
39

8
39
Библиотека для семьи и школы.

К. Д. Носиловъ.

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ПЕРВЫЙ СБОРНИКЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Москва.—1914.

Цѣна 25 к.

Книгоиздательство Д. И. Тихомирова.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

- НОСИЛОВЪ, К. Д. Золотое время.** Очерки и рассказы. Волки.— Никифоровна.— За саранками.— Зося.— Сестра Оля.— Мои первые путешествія.— На колокольнѣ. 2-е изданіе. Съ рис. Ц. 45 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низш. уч. завед. (Отнош. № 2101, отъ 20 янв. 1911 г.).
- **Въ снѣгахъ.** Очерки и рассказы. Ц. 50 к. 7-е изданіе. У. К. М. Н. Пр. одобрена для ученич. младшаго возраста библиот. среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и допущена въ безплат. народ. чит. (Отн. № 6971, отъ 8 марта 1910 г.). Одобрена для ротныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ.
- **На охотѣ.** Галейко.— Изъ жизни киргизовъ.— Пасха среди самоѣдовъ.— Дѣдушкины журавли.— Дядя-кузнецъ.— Неудачный день. Ц. 30 к. Гл. Упр. Военно-Учебн. заведеній книга *рекомендована* для приобрѣт. въ библ. кадетскихъ корпусовъ для чтенія кадетамъ I и II классовъ. («Пед. Сб.» № 7, 1905 г.) Одобрена для ротныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низш. учебн. завед. (Отнош. № 2101, отъ 20 янв. 1911 г.).
- **На дикомъ Сѣверѣ.** Первый сборникъ рассказовъ. Яхурбетъ.— Птичій островъ.— Дѣдушка-вогуль и его внуки. 2-е изданіе. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ безплат. библ. и чит., а также въ ученич. библ. городскихъ училищъ. (Отнош. № 2248, отъ 15 янв. 1913 г.).
- **На дикомъ Сѣверѣ.** Второй сборникъ рассказовъ. Счастливая ловля.— На родинѣ.— Ворона.— Наши инженеры.— Въ гостяхъ у остяка.— Судь. 2-е изданіе. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ безплат. библ. и чит., а также въ ученич. библ. городскихъ училищъ. (Отнош. № 2248, отъ 15 янв. 1913 г.).
- **Въ лѣсахъ.** За карасями.— На лабазѣ.— Бѣлая рукавичка.— Керка.— Внукъ. Съ рис. Ц. 25 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низшихъ учебныхъ заведеній и въ безпл. библ. и чит. (Отношеніе № 10935, отъ 3 апрѣля 1910 года).
- **Таня Логай.** Рассказъ изъ жизни сѣверныхъ инородцевъ. 4-е изд. Ц. 10 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низш. учебн. завед. (Отнош. № 13759, отъ 20 апрѣля 1911 г.).
- **У рыбаковъ и звѣролововъ Сѣвера.** Съ рис. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низш. училищъ. (Отн. № 27744, отъ 13 июля 1912 г.).
- **Исторія одной полярной зимовки.** Рассказъ. Съ рис. Ц. 15 к.
- **За полярнымъ кругомъ.** Ц. 35 к. Съ рис. О. О. У. Ком. М. Н. Пр. допущена въ ученич. библ. низш. учеб. завед. (Отн. № 49121, отъ 9 дек. 1912 г.).

У 8 39
Библиотека для семьи и школы.

К. Д. Носиловъ.

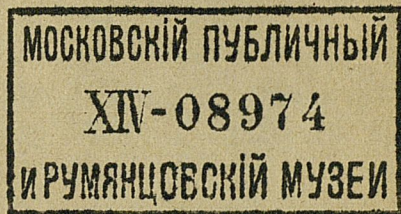
РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ПЕРВЫЙ СБОРНИКЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Издание редакціи журнала „ЮНАЯ РОССИЯ“.

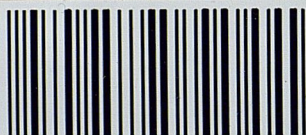
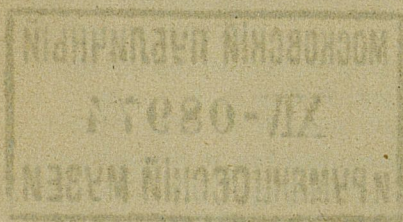
Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

МОСКВА.

Типографія К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій пер., д. № 21.

1914.

2007084144

Черный день.

Когда мы были еще маленькими, мнѣ часто приходилось слышать изъ устъ отца одно изреченіе, врѣзавшееся въ дѣтскую память:

— „Охъ, надо беречь денежку про черный день“. И при этомъ такъ вздыхалъ, такъ тяжело вздыхалъ, что намъ,—маленькимъ дѣтямъ,—казалось, что у него нѣтъ этой „денежки“, а черный день уже надвигался. И слыша это изреченіе изъ устъ отца, становилось какъ-то вдругъ невесело, игры замолкали, голоса дѣлались сдержанными, и въ дѣтской головѣ вертѣлись необычныя мысли...

И когда жаркимъ лѣтомъ надвигалась туча черная, зловѣщая, и въ свѣтлыхъ просторныхъ комнатахъ дѣлалось среди дня темно, я думалъ уже, что надвигается „черный день“, и старался прижаться ближе къ мамѣ.

Дѣйствительно, какъ будто въ самомъ дѣлѣ надвигался „черный день“.

Раскрытыя окна быстро затворялись крѣпкими

защелками; чтобы не зашелъ этотъ „черный день“, затворялись крѣпко двери; даже трубы плотно закрывались чугунными вьюшками, и мы собирались въ дѣтскую, какъ испуганное стадо. Туда же приходилъ, о чемъ-то вѣчно вздыхая, и отецъ. Мы усаживались на теплую лежаночку и чего-то ожидали молча.

Гремѣлъ въ отдаленіи громъ. Блистала издали свѣтлая молнія. Налетали вихри на домъ. И я прижимался крѣпче къ матери и дрожалъ, дрожалъ отъ страха.

— Это „черный день?“—спрашивалъ я тихонько у матери.

Она гладила мнѣ голову и тихо отвѣчала:

— Можетъ быть, „черный день“... Ты не бойся только грома и молніи. Все пронесетъ, все пройдетъ, и будетъ снова свѣтло и ясно...

Я вѣрилъ ей. Я благодаренъ былъ за это утѣшеніе, но спрашивалъ:

— Значитъ „денежка“ у папы есть?

Она взглядывала на меня и только улыбалась.

И мнѣ казалось, что у папы есть эта волшебная „денежка“, потому что когда начиналъ лить страшный дождь, онъ только крестился и приговаривалъ:

— Слава Богу! Слава Богу! Дождь это—деньги.

И мнѣ казалось, что это деньги падали съ неба, и я не понималъ только, почему папа вздыхалъ такъ тяжело, говоря про „черный день“ и про

„денежку“, когда она падала такъ часто-часто съ неба.

Я даже выбѣгалъ послѣ такой грозы на улицу, чтобы поискать въ свѣтлыхъ лужахъ „денежку“, но ничего не находилъ, кромѣ пузырей на водѣ, которые были очень красивы.

Иногда, при воспоминаніи объ этой волшебной, падающей съ неба „денежкѣ“, мнѣ приходило желаніе имѣть ее. Я просилъ ее у отца или матери, и они давали мнѣ ее, сначала поиграть, а потомъ, когда я былъ въ состояніи уже съ ней расправиться, то и сходить съ ней въ ближайшую лавочку.

Я уже начиналъ по-своему опредѣлять ея цѣнность.

Какой восторгъ, бывало, производила эта „волшебная денежка“, когда она вдругъ оказывалась у меня въ рукѣ.

Я выбѣгалъ съ шумомъ на улицу, позабывалъ даже затворить за собою двери.

Путь былъ не близкій до нашей лавочки: нужно было пройти громадную площадь, миновать высокую бѣлую каменную церковь, спуститься мимо дома бабушки и перейти маленькій мостикъ. Но это пространство пробѣгалось мною въ самый короткій промежутокъ времени, и я уже былъ на высокомъ крыльцѣ лавочки, гдѣ торговала старая торговка.

Я дергалъ за веревочку у самыхъ дверей. Въ лавкѣ раздавался звонъ привѣшеннаго къ дверямъ

колокольчика, и дверь тихонько приотворялась, и изъ-за нея высывалось старое сморщенное лицо толстой женщины, которая при видѣ меня улыбалась.

— Опять попенокъ за пряникомъ прибѣжалъ?— спрашивала она меня, и я бойко съ нею здоровался и бойко отвѣчалъ, что мнѣ нужно пряниковъ, и торжественно подавалъ ей денежку на раскрытой и потной ладони.

Она брала ее самымъ серіознымъ образомъ, оглядывала ее съ разныхъ сторонъ, сердито бросала ее въ чайную чашечку, гдѣ она звенѣла весело, словно обрадовавшись новому сосѣдству, и торговка отправлялась къ прилавку.

Послѣ этого женщина поворачивалась ко мнѣ спиной, долго рылась въ своихъ ящикахъ, набирала тамъ въ руку пряниковъ и, оборачиваясь, съ улыбкой вручала или даже записывала ихъ мнѣ въ карманы.

Я, счастливый, выбѣгалъ отъ доброй женщины и былъ готовъ крикнуть на всю улицу, чувствуя богатство въ своемъ карманѣ и готовый подѣлиться имъ съ первымъ встрѣчнымъ.

Но не успѣвалъ я дойти тихонько до дома бабушки, самое большое до церкви, какъ это богатство уже исчезало изъ кармана. Я быстро съѣдалъ его, и мнѣ не оставалось ничего, какъ хорошенько пошарить въ карманѣ и своротить въ церковную знакомую ограду.

Въ ней лѣтомъ росла высокая трава, бродили куры, телята и коровы, но на нихъ не особенно обращалъ вниманіе сторожъ Данилычъ. Онъ вѣчно сидѣлъ на каменной лѣсенкѣ и жевалъ свой черствый сухарь, поглядывая почему-то часто, часто на свѣтлое небо.

Мы съ нимъ были большіе пріатели. Мнѣ казалось даже, что онъ любилъ меня, потому что неизмѣнно старался меня хоть мимоходомъ погладить по головкѣ. Я охотно подставлялъ подъ его закорузлую руку свою обстриженую гладко головку, и если не ощущалъ особенной нѣжности, то это мнѣ было пріятно. Я всегда заходилъ къ нему, идя изъ лавочки, чтобы разрѣшить назрѣвшіе вопросы. Я подсаживался къ нему на камень холодной паперти и спрашивалъ его про „черный день“, о которомъ говорилъ намъ часто папаша.

Старикъ молча меня выслушивалъ, прожевывалъ хлѣбъ и отвѣчалъ, перекрестившись послѣ своей трапезы:

— Никакого чернаго дня нѣтъ, — всѣ дни отъ Господа ясные и свѣтлые; бываетъ порою только ненастье, но и то отъ Господа Бога Нашего намъ, крестьянамъ бѣднымъ, на радость.

Но я хотя уважалъ его, но плохо ему вѣрилъ. Естественно, онъ меньше зналъ, чѣмъ мой отецъ, который былъ священникъ. Когда я входилъ съ нимъ въ пустынный храмъ, казавшійся мнѣ такимъ громаднымъ, то невольно останавливался

передъ иконою Распятія, гдѣ надъ тремя крестами на горѣ мѣстный живописецъ изобразилъ особенно какія-то страшныя, зловѣщія, черныя, съ отблескомъ, тучи. Я подолгу всматривался въ этотъ образъ, и мнѣ казалось, что „черный день“ долженъ быть именно такой съ подобной черной, зловѣщей тучею.

Быть можетъ, отъ этого созерцанія и понятія я и боялся надвигающейся тучи.

Иногда я жалѣлъ въ это время, что у меня нѣтъ волшебной „денежки“, и послѣ просилъ ее у мамы своей, которая удивлялась на это:

— Къ чему тебѣ денежка?

— Я хочу ее сохранять про черный день, какъ говоритъ папаша.

Она смѣялась мнѣ въ отвѣтъ, но выдавала денежку, и я задумывался; куда бы ее надежнѣе упрятать.

Я засовывалъ ихъ, эти денежки, въ щели нашего бревенчатого дома; потомъ, помню, забирался тихонько подъ крышу, распугивая тамъ ютившихся голубей, и гдѣ-нибудь ихъ въ углу зарывалъ глубоко, глубоко въ песокъ, такъ, что онѣ послѣ уже и не находились.

Однажды, замѣтивъ, вѣроятно, во мнѣ желаніе беречь эту „денежку“, мнѣ подарили маленькую кошелку. Я быстро наполнилъ ее денежками, выпрашивая ихъ почти ежедневно, и рѣшилъ зарыть ее въ огородѣ.

Но какъ старательно я ни прокрадывался въ нашъ огородъ, какъ я быстро ни закапывалъ ее въ огуречную гряду, она исчезла вмѣстѣ съ денежками. И какъ я ни рылся послѣ того, она не находилась въ означенномъ мѣстѣ.

Такъ и пропала тутъ моя копилочка вмѣстѣ съ горстью денегъ.

Послѣ этого я именно и сталъ благоразумнѣе, не сталъ копить и познакомился съ лавочкой, гдѣ и спускалъ исправно всѣ „денежки“, вмѣсто того, чтобы ихъ прятать.

* *
*

А отецъ все охалъ и говорилъ про „черный день“, заставляя невольно объ этомъ меня думать.

Должно быть, ему плохо жилось тогда, что онъ вспоминалъ безпрестанно о „черномъ днѣ“.

Помню, какъ сейчасъ, когда онъ наградилъ насъ съ братомъ деньгами, отправляя насъ въ первый разъ въ училище, то строго важнымъ голосомъ замѣтилъ:

— Берегите деньги, дѣти! Помните наказъ отца: нужно беречь денежку про черный день. Плохо безъ денежки! Ой, ой, какъ еще плохо. Выросите, сами узнаете и вспомните отца, который говорилъ вамъ правду.

Я отнесся къ этому уроку отца самымъ сердечнымъ образомъ, хотя меня удивила лукавая

усмѣшка старшаго брата, который, однако, скрылъ ее, чтобы отецъ не замѣтилъ.

Я замѣчалъ еще тогда, что братъ имѣлъ относительно денежки особенное мнѣніе и не былъ на счетъ денежки согласенъ съ отцомъ. А когда мы отправились въ духовное училище, доѣзжали до перваго города, то онъ становился неспокойнымъ и властно командовалъ работнику то остановиться у той лавки, то у другой, а то еще приворотить къ татарину, у котораго продавался „бургонскій квасъ“, вкусная пастила и разныя лакомства.

Пока я молча сидѣлъ въ повозкѣ, дожидаясь его и съ горестью думая о завѣтѣ отца, онъ покупалъ конфетъ, папиросъ, квасу и съ такою важностью возвращался ко мнѣ и усаживался, отпыхиваясь, чего не бывало даже и съ самимъ папой.

Всю дорогу онъ дымилъ папиросами, всю дорогу онъ ѣлъ разныя лакомства, словно деньги отца просились у него вонъ изъ кармана.

Я не раздѣлялъ его мнѣнія; но онъ мало обращалъ вниманія на это, какъ на мнѣнія младшаго брата.

Но какъ я ни опасался „черныхъ дней“, при видѣ этой небережливости и явнаго презрѣнія къ завѣтамъ отца, я „черныхъ дней“ не видѣлъ и въ училищѣ.

Единственно, что напоминало ихъ порой, это тѣ дни, дѣйствительно, казавшіеся черными, когда меня за латинскій языкъ оставляли безъ обѣда.

Тѣхъ, кто оставался „безъ обѣда“ въ этомъ учи-

лицѣ, сажали въ угловую каменную темную монастырскую башню. Одна эта башня, гдѣ помѣщалось правленіе училища, производила на меня самое удручающее впечатлѣніе.

Это было высокое, мрачное зданіе, съ маленькими узенькими комнатами, сдѣланными, вѣроятно, изъ старыхъ оконъ, бывшихъ когда-то въ нашествіе татаръ бойницами. Стѣны ея были громадныя съ куполами, и та комната, въ которую сажали „безобѣдниковъ“, называвшаяся карцеромъ, была еще страшнѣе. Это была, собственно, не комната, а кладовая изъ камня, и въ ней вѣчно пахло сыростью и мышами, которыя, словно рады были нашему появленію, нисколько не стѣсняясь, показывали свои мордочки изъ норокъ.

Вотъ тутъ-то, очутившись въ этой мрачной комнатѣ съ товарищами, я и вспоминалъ завѣтъ отца относительно копѣйки. Ъсть, бывало, страшно хочется, а кругомъ только голыя, сыроватыя, мрачныя стѣны. Къ счастью, насъ выручалъ старый сторожъ: онъ тихонько отъ смотрителя и начальства приносилъ намъ послѣ своего обѣда по куску черстваго чернаго хлѣба.

— Нате, безобѣдники, ѣшьте скорѣе, пока не пришелъ дежурный по училищу, — говорилъ онъ, подавая черный черствый, порою сыроватый хлѣбъ, и хлѣбъ зотъ казался такимъ вкуснымъ.

Скоро, однако, я научился у товарищей, какъ избѣгать черныхъ дней въ училищѣ, когда насъ,

безобѣдниковъ, сажали въ карцеръ. Я, просто, запасался у брата копѣйкой и покупалъ въ перемѣну у нашей булочницы булочку, а иногда запасался изъ дома частицами завтрака, когда не было этой копѣйки. И въ карцерѣ было тогда не страшно: я съ достоинствомъ ждалъ дежурнаго; спокойно, не торопясь, выходилъ изъ карцера, и, какъ ни въ чемъ не бывало, возвращался домой, хотя въ сердцѣ была тяжелая обида.

Если не было „денежки“, выручалъ товарищъ, давая въ одолженіе въ трудную минуту.

Какъ ясно, ощутительно тогда становились слова отца относительно „денежки“; но ничего сдѣлать было нельзя: деньги хранились у старшаго брата, а онъ умѣлъ растратить ихъ всегда раньше моихъ „черныхъ дней“ — съ своими папиросами которыя онъ курилъ скрытно отъ отца и начальства.

Это была его привилегія, какъ старшаго, и я противъ этой привилегіи, разумѣется, не возражалъ, считая ее дѣйствительно какою-то неотъемлемою, хотя мнѣ и было порою очень досадно.

* * *

Болѣе часты были эти „черные дни“, когда я учился уже въ семинаріи.

Семинарія была отъ нашего села въ 600 верстахъ. По этому случаю насъ съ братомъ отправляли туда только осенью, разъ въ годъ, дожи-

даясь обратно уже будущимъ лѣтомъ. Отецъ денегъ давалъ только на дорогу и на учебники. Остальное мы должны были получить отъ него почтою, а почта приходила въ село только въ недѣлю разъ. Нужно было писать о своей нуждѣ и ждать, а порой братъ такъ обходился съ довѣренною суммою, что уже послѣ пріѣзда у него не было въ карманѣ ни копейки. Онъ только отдувался, когда нужны были деньги даже на учебники, и поэтому я часто учился по чужимъ книгамъ. У меня была только отцовская біблія, которая вѣчно, пока я учился въ семинаріи, лежала въ моей партѣ, такъ какъ таскать ее каждый разъ было тяжело, а украсть ее, конечно, никто не рѣшался.

Въ это время ученія въ семинаріи частенько приходили „черные дни“, и я долженъ былъ отъ нихъ отдуваться за брата.

Когда хозяйка, наскучивъ ждать, требовала деньги за содержаніе и заявляла намъ, что она выгнать насъ, братъ обращался ко мнѣ сурово:

— Сходи, Костя, хоть къ дядѣ въ консисторію, выпроси у него тамъ тройку...

И бѣдный Костя, такой маленькій и въ семинаріи, обыкновенно отправлялся въ духовную консисторію и ожидалъ робко своего дядю по матери, когда онъ выйдетъ изъ своей канцеляріи, чтобы, поздоровавшись, робко попросить у него немного денегъ.

Дядя былъ на хорошемъ доходѣ въ консисторіи и рѣдко отказывалъ въ трешнѣ; но случилось, что былъ не въ духѣ и рѣзко отказывалъ, говоря, что самъ сидитъ съ семьей безъ денегъ. Но случилось всегда какъ-то такъ, что кто-нибудь выручалъ насъ изъ безденежья, и мы удовлетворяли на время хозяйку.

Какъ хорошо помню я эти „черные дни“, когда я бѣгалъ порою въ грязь, по грязному городу, въ надеждѣ найти добраго отзывчиваго человѣка.

Было гораздо хуже еще, когда мы въ этомъ городѣ, какъ „своекоштные“, устраивались артелью на квартирѣ.

Для такой артели мы снимали комнату, брали кухарку, которая только и знала одно—приготовлять намъ кушанья изъ провизіи, которую мы покупали своимъ коштомъ.

Но только „коштъ нашъ“ не былъ особенно богатымъ.

Деньги передъ субботнимъ торговымъ днемъ собирались копейками; иной отдавалъ послѣднее, говоря, что расплатится, когда ему вышлютъ изъ дома, и тому лицу, на которое возлагалось дѣлать въ субботу по очереди закупки на рынкѣ, приходилось выпутываться изъ денежнаго положенія, какъ ему угодно.

Когда онъ возражалъ на малую дачу денегъ, ему грубо отвѣчали:

— Ну, обойдись тамъ какъ-нибудь полюбезнѣе

съ деревенскими бабами; можетъ, въ долгъ тебѣ повѣрятъ.

Бабы рѣдко давали въ долгъ бѣдному семинаристу, и приходилось чаще всего покупать такими малыми порціями существенные припасы, что было стыдно даже нашей стряпухи.

Я частенько, и за себя, и за товарищей, исправлялъ эту должность рыночнаго старосты, должно быть, потому, что былъ изъ самыхъ честныхъ и старательныхъ, въ то время когда другіе иногда не оправдывали довѣрія имъ. Я всегда закупалъ все необходимое, не забывая даже самую малость.

Эту аккуратность цѣнили во мнѣ товарищи, и поэтому я часто отправлялся на рынокъ раннимъ утромъ съ мѣшками подъ мышкой.

Я любилъ торговаться съ деревенскими бабами, и онѣ мнѣ охотно уступали, видя мою бѣдность.

— Ну, ужъ ладно, бери,—говорили онѣ,—что съ тобой подѣлаешь, если ты бѣдный такой. Сразу видать, что ты семинаристикъ.

И маленькій „семинаристикъ“ дѣлалъ иногда такія выгодныя покупки, что послѣ всѣхъ въ квартирѣ товарищи только восхищались.

Но какъ я ни ухитрялся дѣлать выгодныя закупки на недѣлю,—денегъ часто не хватало. Наступали „черные дни“, мы сидѣли на одномъ только картофелѣ, и товарищи на меня уже ворчали:

— Ты бы сходилъ хоть къ какому учителю... Вотъ даетъ, говорятъ, въ долгъ Иванъ Ивановичъ...

Я отнѣкивался; но нужда заставляла идти, и я долго, помню, прохаживался мимо квартиры Ивана Иванныча, посматривая: не выйдетъ ли онъ самъ какъ случайно. И когда онъ не попадался мнѣ на улицѣ, я храбро, отчаянно звонилъ въ квартиру его и дожидался его въ темномъ, мрачномъ коридорчикѣ, пока ему докладывали, что къ нему пришелъ какой-то „семинаристикъ“.

Выходилъ Иванъ Иваннычъ въ халатѣ, заспанный, съ папиросою, и я робко, жалобнымъ голосомъ, чуть не со слезами на глазахъ объяснялъ ему наши нужды.

Иногда Иванъ Иваннычъ удивлялся, спрашивая меня, какія у него нашли мы свободныя деньги, а иногда молча уходилъ въ свои комнаты и тоже молча потомъ протягивалъ мнѣ трешницу, говоря:

— Принеси обратно, когда получишь деньги...

Это было неособенно весело; но я подпрыгивалъ на ходу отъ удовольствія, чувствуя себя героемъ.

Какъ часто это геройство мое пропадало тотчасъ же, какъ только я возвращался на квартиру. Мои товарищи меня же посылали съ этой же трешницей за водочкой и солеными сигаами, говоря, что по этому случаю нужно обязательно выпить. И „черный день“, увы, только для меня одного черный день, кончался отчаянною попойкою, и я видѣлъ трешницу, какъ она таяла при возгласахъ товарищей, обрадовавшихся при видѣ ея и загорѣвшихся надеждой выпить. И на другой день мы

снова сидѣли на одномъ картофелѣ, и я ломалъ себѣ голову, гдѣ бы призанять хоть немного денегъ.

Время ученія моего въ семинаріи было сплошнымъ „чернымъ днемъ“, потому что я вѣчно нуждался въ деньгахъ.

Какія жалобныя письма писались отцу, какъ подробно описывались дыры на рукавахъ и выглядывающіе изъ сапогъ нашихъ пальцы. Но отецъ жилъ на небогатомъ приходѣ въ селѣ, приходилось деньги занимать даже у богатыхъ мужиковъ, быть можетъ, подъ проценты, и денежные пакеты было отъ него нечасты и тощи.

Приходилось жить, какъ говорится „въ обрѣзъ“, отказывать себѣ во многомъ „существенномъ“ и довольствоваться такимъ малымъ, что было стыдно даже товарищей. Когда мы жаловались порою на каникулахъ на это отцу, онъ намъ въ отвѣтъ говорилъ:

— Я самъ учился въ семинаріи на мѣдныя гроши, посылаемые папашею. Бывало,—отвалить цѣлковый на весь годъ на ученическія пособія и скажетъ: „береги, Митя, копейку про черный день“. Бумага была синяя, и то въ рѣдкость въ наше время,—мы берегли ее старательно, пуще глаза, писали гусиными перьями и считали и это еще за счастье. И ничего,—выучивались, кончали семинарію по первому даже разряду и поступали прямо въ попы.

Возражать, разумѣется, отцу не приходилось, хотя мы доказывали ему, что теперь время уже не то. То, что ему казалось вполне достаточнымъ, намъ казалось такой обидой, что выступали слезы на глазахъ, но мы молчали.

* * *

Были „черные дни“ и тогда, когда я остался одинъ учиться въ семинаріи,—когда въ ней не было уже старшаго брата; денегъ какъ-то не хватало и тогда на содержаніе. Отцу приходилось труднѣе еще, воспитывая насъ четырехъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и денежные пакеты приходили очень, очень рѣдко.

Я буквально учился безъ книгъ, надѣясь только на разсказъ учителя или долбленіе товарища, къ которому можно было подсѣсть и подслушать уроки; дырявые сапоги не замѣнялись уже по году новыми, на рукавахъ сюртучка вѣчно были заплаты; но „черный день“ былъ не въ этомъ: онъ былъ гораздо ужаснѣе дырявыхъ сапогъ и заштопанныхъ доброю хозяйкою локтей сюртучка и состоялъ въ томъ, что я иногда заставлялъ хозяйку квартиры въ слезахъ, и слезы эти были мнѣ безъ словъ ея понятны.

Въ такіе „черные дни“ я возлагалъ надежды на товарищей и для этого, чѣмъ свѣтъ, являлся въ семинарію и сторожилъ у арки, при входѣ въ ко-

ридоръ, гдѣ обыкновенно вывѣшивались объявленія, кому изъ воспитанниковъ семинаріи сегодня приходили денежныя повѣстки.

Это были счастливыя этого дня, и я старался первый прочесть такое объявленіе канцеляріи и первый извѣстить при входѣ счастливаго товарища, чтобы въ минуту его радости выманить у него въ долгъ какой-нибудь рублишко. И вдругъ иногда я видѣлъ повѣстку себѣ. Я не вѣрилъ глазамъ въ эти счастливыя минуты, и „черный день“ нужды замѣнялся вдругъ такимъ яснымъ и свѣтымъ для меня, что я не могъ отвѣчать, не могъ учить уроки, чувствуя, какъ буду скоро я богатымъ.

Въ большую перемѣну я шелъ уже въ правленіе за счастливой повѣсткой и вполнѣ счастливый убѣгалъ поскорѣе съ нею въ почтовую контору, съ дозволенія инспектора, чтобы получить тамъ скорѣе свои деньги.

Должно быть, у меня было особенно радостное лицо, потому что чиновникъ, завидя меня сквозь рѣшетку, уже улыбался мнѣ, протягивая руку за повѣсткой.

Какъ я любилъ этого чиновника, мнѣ неизвѣстнаго по имени. Какъ я былъ ему благодаренъ, когда онъ вскрывалъ конвертъ съ четырьмя сургучными печатями и вынималъ оттуда засаленныя ассигнаціи и, пересчитавши ихъ старательно, протягивалъ ихъ мнѣ.

Но случалось и иначе, я не разживался деньжонками и плелся вмѣсто квартиры своей къ кому-либо изъ товарищей, чтобы напиться чаю.

Однажды въ такой „черный день“ я рѣшился заложить серебряные часики, подаренные мнѣ матерью за хорошіе успѣхи.

Какъ я дорожилъ этими серебряными дамскими часиками, съ яснымъ такимъ циферблатомъ и четкимъ ходомъ.

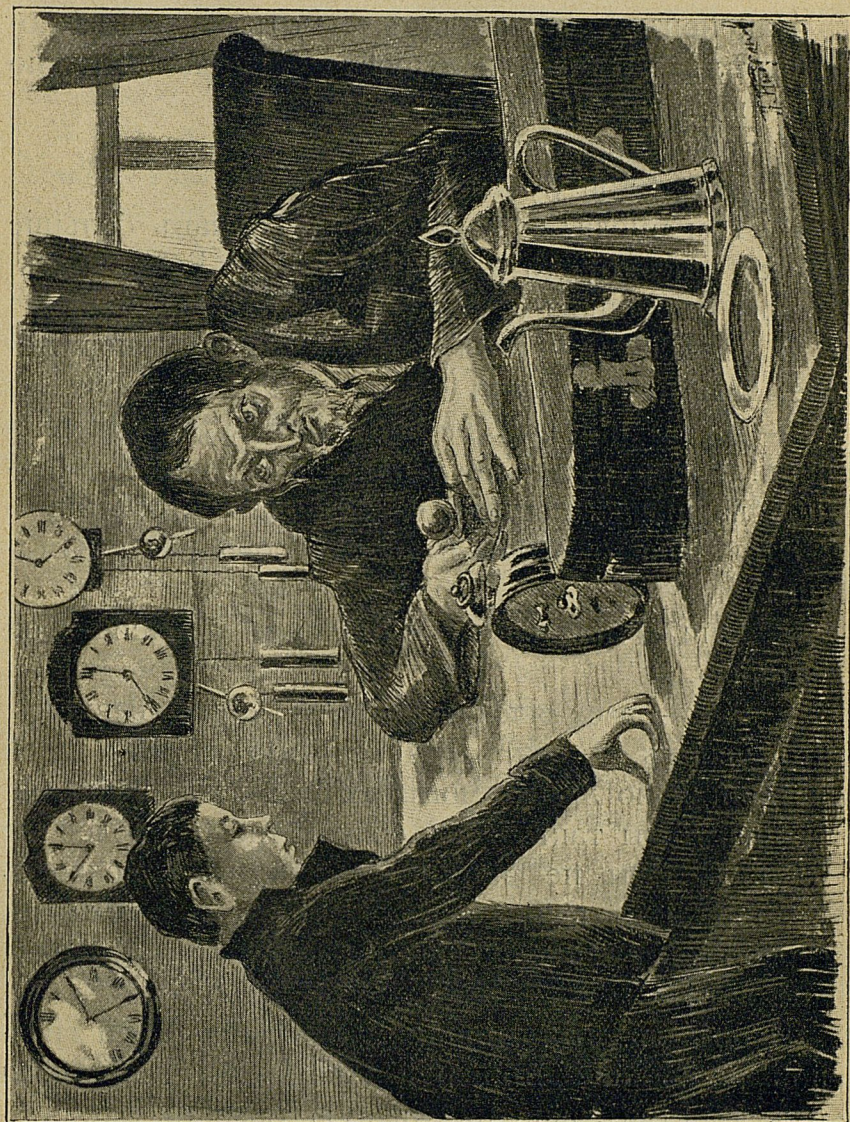
Пришлось нести ихъ къ еврею, который бралъ въ починку часы и тутъ же принималъ тихонько заклады подъ проценты.

Я какъ сейчасъ вижу этого еврея, худого, бѣлокураго и грязнаго, съ длинными пейсами, когда онъ протянулъ грязную руку свою и коснулся этой моей святыни.

Я, помню, даже вздрогнулъ, когда онъ взялъ своей закорузой, грязной рукой мои маленькіе часики, и хотѣлъ, было, вырвать у него ихъ, когда онъ безцеремонно сталъ открывать ихъ и вертѣть и прислушиваться къ ихъ тихому, нѣжному, слабому ходу.

А онъ долго ихъ разсматривалъ, раскрывалъ ихъ механизмъ, даже пробовалъ ихъ заводить, какъ будто любуясь моимъ горемъ...

Казалось, это было кощунство, и я хотѣлъ уже вырвать свои часики и бѣжать изъ его мрачной конуры, чтобы скрыть свои слезы.

Наконецъ, онъ кончилъ осмотръ часовъ, посмотрѣлъ на меня и спросилъ, сколько нужно мнѣ подѣ часики денегъ.

Я робко прошепталъ:

— Дайте три рубля...

— Три рубля?—удивился онъ, сдѣлавъ большіе глаза, какъ будто я поразилъ его, Богъ вѣсть, какою громадною суммою.

Я молчалъ, чувствуя свое безвыходное положеніе. Онъ продолжалъ:

— Да вы никогда не заплатите мнѣ этихъ денегъ! Три рубля. Три рубля. Да они самое большое, ваши часы, стоятъ пять рублей съ полтиной.

Это меня окончательно оскорбило, и я замѣтилъ:

— Они куплены за пятнадцать рублей моей матерью...

— Ха,—разсмѣялся онъ, словно обрадовавшись, что узналъ, что это священный подарокъ моей матери: мало ли что могла дать за нихъ ваша матушка, а мы такіе часы больше пяти рублей не цѣнимъ... Вы не выкупите ихъ. Что я долженъ съ ними дѣлать? Для насъ это не часы, а металлъ, серебро, а тутъ серебра и на пять рублей едва ли хватитъ.

И онъ еще разъ прикинулъ ихъ на своей грязной и морщинистой рукѣ, какъ бы взвѣшивая ихъ дѣйствительно ничтожную тяжесть.

Я былъ въ крайнемъ затрудненіи и хотѣлъ уже

вырвать мои часы, когда онъ, какъ будто смилостивившись, снизошелъ къ моей бѣдности и замѣтилъ:

— Ну, хорошо, я дамъ вамъ три рубля, только я могу взять ваши часы всего на мѣсяцъ времени. Если не выкупите,—они мои!

У меня чуть не брызнули слезы; но я сдержалъ себя и поклялся, что выкуплю ихъ еще ранѣе, какъ только получу изъ дома деньги.

Еврей выдалъ мнѣ три рубля, съ вычетомъ процентовъ за мѣсяцъ, и я, помню, вышелъ отъ него въ какомъ-то туманѣ.

Нужно ли говорить, что я не выкупилъ ихъ вовремя, и часики мои пропали.

Когда я пришелъ, было, за ними черезъ полтора слишкомъ мѣсяца, онъ не сталъ даже со мною разговаривать, обвиняя меня же за то, что я обидѣлъ его, бѣднаго человѣка.

— Ваши часы пошли на ломъ, — заявилъ онъ мнѣ самымъ категорическимъ образомъ.

И мнѣ ничего не осталось дѣлать, какъ выбѣжать отъ него и горько заплакать. Какъ горько мнѣ пришлось вспомнить слова отца — „береги денежку про черный день“ — въ эти минуты!

Этотъ день былъ, кажется, самый черный во всей моей жизни.

Я думалъ, что „черные дни“ навсегда оканчатся съ окончаніемъ моего ученія, и что впереди меня ожидаетъ одно лишь довольство и плоды ученія, про которые тоже часто говорилъ намъ отецъ, любя повторять намъ въ утѣшеніе слѣдующую фразу: „Ученіе горько, но плоды его—сладки“.

Но мнѣ долго пришлось ожидать этихъ „сладкихъ плодовъ“, а пока на лицо были черные дни, которые, казалось, даже стали въ жизни самыми обыкновенными.

Какъ-то выходило такъ, что я не могъ, не умѣлъ „сводить концы съ концами“ и вѣчно нуждался въ этой „денежкѣ“, про которую училъ меня родитель.

Нечего и говорить, что я тысячу разъ вспоминалъ завѣтъ отца про „денежку“, даже пытался дѣлать экономію; даже пытался сохранять эту „денежку“, но все было напрасно. Она упорно не хотѣла оставаться у меня и словно бѣжала отъ моихъ пустыхъ кармановъ.

Черные дни окружали меня, и какъ порой ни хотѣлось вѣрить мнѣ Данилычу, что нѣтъ этихъ черныхъ дней, что всѣ дни отъ Господа-Бога ясные и свѣтлые,—этого нельзя было сдѣлать.

„Черные дни“ существовали несомнѣнно, и я отъ нихъ не избавился и до сѣдыхъ волосъ, какъ не избавился отъ дней ненастья.

Утѣшеніе одно среди этого жизненнаго ненастья, что „черные дни“ красятся людской добротою и

отзывчивостью, безъ которыхъ трудно бы было пережить эти „черные дни“ человѣчеству, безъ которыхъ дѣйствительно жизнь была бы невыносимой.

Какъ черны эти „черные дни“, такъ свѣтла доброта человѣческая въ нашей жизни.

Горе-рыболовъ.

I.

Каждый годъ, какъ только начиналась веселая весна, разливалась наша Исеть многоводная, появлялась зелень яркая, и ярче, и ярче начинало послѣ долгой зимы свѣтить солнышко,—въ нашъ домъ, домъ моего отца, начинали рано-рано по утрамъ приходить рыболовы.

Придутъ въ нашу кухню, и словно принесутъ съ собою самую весну.—Рыбы не угодно ли свѣженькой, батюшка? Только что вотъ въ рѣкѣ изловили!

Подскочить къ ихъ мокрымъ корзинамъ наша стряпка старая, любопытная Агаѣя, заглянетъ туда же бородатый кучеръ Трофимъ, а отецъ нашъ уже идетъ къ намъ въ спальню и будить:

— Вставайте, дѣти, скорѣе, бѣгите въ кухню! Какой рыбы принесли намъ наши рыболовы!

И нѣтъ, какъ не бывало, весенняго, сладкаго сна, во время котораго, словно травка, растеть человѣкъ, лѣни—то же самое, и мы выскакиваемъ изъ кроватокъ и бѣжимъ, перегоняя другъ друга, въ кухонку, на ходу протирая кулаками глазенки. И, дѣйствительно, стоило того, чтобы разстаться съ теплыми постельками. Въ кухнѣ знакомые рыболовы, такіе добрые, улыбающіеся, довольные своей ловлей и добычей. Отъ нихъ еще пахнетъ водорослями, тиной, водой: они еще въ своихъ мокрыхъ рыболовныхъ доспѣхахъ; у иного на ногахъ цѣлая водоросль, на рукавѣ зеленая тина, а подъ ногами или на лавкѣ зеленоватая мокрая корзины. Они рады намъ и привѣтствуютъ насъ:

— Смотрите, полюбуйте, дѣточки, посмотрите, какая рыба водится въ нашей родной рѣкѣ!—И начинаютъ показывать рѣчныхъ чудовищъ, словно чудомъ какимъ очутившихся сегодня въ нашей кухнѣ.

И, Боже мой, какое чудное зрѣлище: громадныя щуки съ зеленоватыми пятнами и страшными зубами, того толще и больше толстобрюхій налимъ, еще зѣвающій и что-то чамкающій своею громадною, беззубою пастью, а въ другой корзинѣ толстый линь и красноперый окунь... И все это—живое, еще зѣвающее, раскрывающее временами рты, все это трепещущее, бьющееся, беспокойное, тоскующее еще по родной своей рѣкѣ; все это такъ и отливающее разными красками и оттѣн-

ками при яркомъ, яркомъ солнышкѣ, которое возшло уже и трепещетъ, словно радуясь нашей дѣтской радости, на горизонтѣ и смотреть весело въ окошко.

А тутъ еще какая-то неизвѣстная трава, мягкая, волнистая, а тутъ еще мхи такіе красивые, пушистые, водянистые, словно взятые изъ какого-то таинственного царства...

До иной рыбы страшно дотронуться, и только что хочешь тронуть ее бѣленькимъ пальчикомъ, какъ встрепенется она, и ахнешь и отскочишь. А рыбаки смѣются.

— Щукѣ только въ ротъ не давайте пальчиковъ, дѣточки, — учатъ они насъ: — живо откусить! Вишь, зубы-то у ней какіе острые, все равно какъ будто шилья! Думаешь, уснула уже она, а она тебя только и дожидается, и такъ цапнетъ тебя, такъ захватитъ своими зубищами, какъ-будто какими тисками!.. Вотъ налимъ, — тотъ не сдѣлаетъ ничего, хоть вложи ему въ ротъ цѣлую руку! Пощупай-ка ручонкой у него во рту! Да не бойся: не укуситъ! Беретъ рыбакъ дрожащую руку, но вложить ее въ раскрытую пасть налима никакъ не рѣшаешься и прячешь скорѣе ручонку за спину.

А рыболовъ все знакомитъ съ своею рыбою:

— Вотъ линь тоже не кусается. Линь — рыба смиренная, болотная. Смотрите, дѣточки, какъ разѣлись они! И онъ пробуетъ вынуть лinya и пока-

затъ намъ, но линь скользя изъ руки въ мшистую корзину, и, смотришь, — на потѣху намъ такъ живо затрепещется тамъ и обрызнетъ насъ...

И все покажутъ намъ рыбаки, все разскажутъ про эту рыбу свѣжую, только что изловленную, и все объяснятъ: какъ она живетъ и плаваетъ въ водѣ, какъ она ловить тамъ маленькую неопытную рыбку и глотаешь ее, какъ она прячется и скачетъ отъ человѣка съ сѣтями...

Цѣлый урокъ естествознанія съ живыми пособіями, съ боролатыми рыболовами вмѣсто учителей, съ самыми живописными описаніями, съ самымъ захватывающимъ слушателей интересомъ.

Рыбаки уже продали намъ рыбу, получили сверхъ денегъ по чаркѣ доброй водки въ угощеніе, уже корзины ихъ опростаны нашею проворною Агаѣею, рыба уже отнесена Трофимомъ на нашъ холодный погребъ, а мы все еще тремся около рыболововъ, — этихъ нашихъ сегодняшнихъ учителей естественной исторіи, глядя на нихъ благодарными, любопытными глазами.

И уйдутъ они изъ нашей кухонки, а передъ нами еще все стоитъ этотъ чудесный подводный міръ съ красивыми животными и травами, полный живого интереса. И уже не хочется спать, хотя насъ давно уже изъ кухни выпроваживаютъ въ теплую спальню нашу, не хочется оторваться отъ этого веселаго утра, хочется говорить, говорить и мечтать о чудесахъ рѣчного царства...

II.

Чуть ли не эти уроки наших деревенских рыболововъ и вдохнули въ меня желаніе сдѣлаться рыболовомъ. По крайней мѣрѣ, я помню себя еще маленькимъ-маленькимъ, но уже мечтающимъ о рыболовствѣ. Сколько разсказовъ самыхъ невѣроятныхъ я сочинялъ своимъ довѣрчивымъ и маленькимъ сестренкамъ про рыбу! Сколько разъ я хвастался передъ Трофимомъ и Агаѣею, что я уже умѣю ловить и усатаго толстаго налима, и бойкую, проворную, хищную щуку. Только у меня не было еще удочки, ее только сулилъ мнѣ сдѣлать нашъ Трофимъ, а Агаѣя обѣщала одолжить мнѣ подъ рыбу малую корзинку. Но вотъ у меня и самая удочка, сдѣланная пока, за отсутствіемъ настоящей, изъ какого-то бѣльевого крючка съ привязанной къ нему тонкой веревочкой. И я, помню, съ восторгомъ удилъ воображаемую рыбу въ лужѣ на дворѣ и даже въ нашей водосточной кадочкѣ, воображая себя настоящимъ рыболовомъ. Опустить туда свою странную удочку и ждешь, ждешь съ нетерпѣніемъ, когда дрогнетъ веревочка. Дрогнула напряженная ожидающая рука, и веревочка летитъ вверхъ вмѣстѣ съ брызгами и тиной. Ничего! Воображеніе рисуетъ картину за картиною, и хотя въ водосточной кадочкѣ сроду не бывало никакой рыбы, — это хорошо извѣстно даже самому рыболову, — но чудится тамъ и толстый

пятнистый налимъ, и зеленоватая длинная щука, и темный линь, и красноперый горбатый окунь.

— Что, рыбу удишь, дитяtko? — спросить, бывало, наша старая Агаѣя, проходя мимо на погребъ. — Удь! Удь! Ужо какой я пирогъ тебѣ состряпаю! Всѣхъ мы съ тобою сегодня рыбою накормимъ!

И за обѣдомъ, дѣйствительно, свѣжій пирогъ, и даже нѣкоторые хвалятъ рыболова.

Но меня, помню, мало и недолго занимала эта водосточная кадочка: меня манила Карга, — какъ называется еще и посейчасъ какое-то топкое болото у самой нашей церкви, подъ горой, — и это влеченіе было настолько велико, что я сталъ туда тайкомъ убѣгать съ своимъ снарядомъ.

Только тамъ, на этой вонючей Каргѣ, я познакомился съ настоящимъ рыболовствомъ, когда увидалъ одного мальчишку, должно быть, такого же страстнаго рыболова деревенскаго, съ удочкой, около котораго стояла молча цѣлая толпа праздныхъ и любопытныхъ ребятишекъ.

Какъ засмѣялись они надъ моею удочкой, и какъ это было мнѣ больно!

Отецъ приказалъ Трофиму сдѣлать мнѣ форменную удочку, и скоро Карга не знала отъ меня покоя ни днемъ, ни вечеромъ, ни раннимъ утромъ.

Но въ Каргѣ жили какіе-то хитрые карасики, которые безпрестанно дергали мою леску, съѣдали червячка, но никогда не попадались на самую уду,

какъ я ни дергалъ ее самымъ прехитрымъ, казалось, образомъ.

Первая моя добыча была на рѣкѣ, куда я разъ пробрался съ нашимъ Трофимомъ самымъ тайнымъ отъ родителей образомъ, когда онъ отправился туда за водой и посадилъ меня на водовозную красную кадушку. Тамъ попался мнѣ какой-то пескарь съ круглою-круглою мясистою спинкою, и это было такъ неожиданно и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо, что я, не дожидаясь Трофима, такъ и убѣжалъ домой съ удочкой и пескаремъ, насаженнымъ на крючкѣ. Радость моя была такъ велика, что я въ кухнѣ чуть не выткнулъ глазъ нашей Агаѣ, оборвалъ занавѣску, задѣвши ее тою же удочкой, и вдобавокъ такъ перепугалъ о чемъ-то задумавшуюся за своимъ шитьемъ мать, что она даже ахнула, увидѣвъ меня съ удилицемъ.

Несчастный, болтающійся на удочкѣ пескарь былъ сотню разъ показанъ всѣмъ; я сотню разъ рассказывалъ, какъ я его выудилъ въ самой рѣкѣ Исети, какъ меня похвалилъ какой-то мужикъ, попавшійся дорогой мнѣ навстрѣчу, какъ была поражена какая-то женщина, шедшая съ ведрами на рѣку, этой моей добычею. Одно только было недоразумѣніе: куда дѣвать, въ концѣ концовъ, этого пескаря, потому что Агаѣя рѣшительно отказывалась печь сегодня пирогъ съ этимъ пескаремъ, такъ какъ съ квашнею она уже давно покончила, а жарить его на жаркое было еще рано.

Я не знаю, что бы еще было съ этимъ пескаремъ далѣе, если бы вопросъ самымъ простымъ способомъ не разрѣшилъ нашъ котъ лукавый Васька: онъ съѣлъ этого моего перваго пескаря самымъ возмутительнымъ образомъ, какъ-то подкравшись къ нему, когда онъ валялся на лавкѣ; стащилъ его передъ моимъ носомъ такъ удачно и такъ рѣшительно, что даже сердито-сердито замыкалъ подъ лавкою, когда я бросился, было, отнимать пескаря и встрѣтился съ зубами и когтями похитителя.

Противный котъ! Какъ онъ ѣлъ моего пескаря подъ лавкою, и какъ жаль было мнѣ своей первой добычи!

III.

Но настоящимъ рыболовомъ сдѣлался я гораздо позднѣе, когда я уже сталъ учиться грамотѣ и пользовался полной свободой.

О, я тогда удилъ уже недурно, и у меня были настоящія удочки и даже съ раскрашенными пробковыми поплавками! Еще заря, а уже бѣжишь на рѣку съ своей удочкой. Еще утро раннее, холодное, росистое, а ужъ слѣды твои видны на низкой травѣ прямо къ нашей Исети! Еще спитъ наше село, или только еще просыпается, а ты уже сидишь съ своей удочкой у берега, или на тонкихъ жордочкахъ мостика! Что за чудная гладь

на рѣкѣ! Что за чудная картина спящей рѣки, съ которой, кажется, только что поднимается самое утро, въ видѣ тонкаго бѣлаго облака. „Клевъ на уду“! скажетъ какой-нибудь проѣзжающій рыбакъ самымъ серьезнымъ голосомъ. „Спасибо, дядюшка“! крикнешь ему, и хочется даже показать ему наловленную рыбу.

Меня не занимали уже пескари: я больше старался ловить окуня, и сколько счастливыхъ минутъ доставилъ онъ вмѣстѣ съ ершомъ, когда бойко поведетъ твою бѣлую леску, когда дернетъ твою удочку, когда съ свистомъ поведетъ и запутаетъ ее за траву, и когда вмѣстѣ съ травой его выведешь и подхватишь проворной рукой.

Бывало, полный туесокъ, — желѣзное ведро, — мелкой разнообразной рыбы. Бывало, сердце полно какой-то неопикуемой гордости, сознанія самостоятельности и удачи въ жизни. Сестры не подступайся ко мнѣ, — я рыболовъ уже въ самомъ серьезномъ смыслѣ. Даже Агаѣя и та относилась ко мнѣ съ почтеніемъ и ласкою, а мать даже скажетъ иной разъ на кухнѣ:

— Кормилецъ растеть у насъ Костинька: теперь ужъ насъ угощаетъ рыбкою, а послѣ, на старости лѣтъ, какъ не прокормить насъ съ отцомъ хорошей рыбой!

И „кормилецъ“ уже гордится, у „кормильца“ уже серьезное лицо, какая-то новая забота о ловлѣ рыбы...

Скоро стало мнѣ уже тѣсно на нашемъ истоѣ Исети, и я запросился на настоящую рѣку Исетъ, которая была версты за три, за четыре разстоянія, гдѣ шумѣли мельницы и былъ широкій прудъ и водилась настоящая крупная рыба. Какъ-то разъ, я помню, отправился туда, съ разрѣшенія родителей, съ удами, въ компаніи съ одной большой любительницей рыболовства и удочки,—монашкой. Жила у насъ въ селѣ такая женщина, которая въ свободныя минуты, не занятыя чтаніемъ псалтири надъ усопшими, любила удаляться съ удочкой и удить цѣлые дни, вечера и утра.

Эта монашка и научила меня настоящему ужению, познакомивъ не только съ крупнымъ, ранѣе мнѣ недоступнымъ окунемъ, но даже съ самой прожорливой щукой.

И что за раздолье было удить съ этой молчаливой кроткою женщиной, которая способна была цѣлый день просидѣть въ лодочкѣ, не проронивши ни слова, которая, казалось, такъ же, какъ я, уходила вся въ нее, позабывая окружающее и даже своихъ усопшихъ. Рѣка — какъ зеркало; мы уже съ утра приткнулись къ пышнымъ цвѣткамъ бѣлой лиліи; громадные листья ея неподвижно лежатъ на водѣ. И въ темныя прогалины, гдѣ стоитъ теперь лѣнивый окунь, мы то и дѣло опускаемъ свои удочки и выдергиваемъ ихъ съ красивой, красноперой, бойкой рыбой. Подчасъ что-то такое сильное дернетъ мою леску. Порою поведетъ

даже нашу легкую лодочку хищная щука, такъ что дрогнетъ она вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ. А солнце, яркое лѣтнее солнце поднимается выше и выше на горизонтѣ, уже льетъ лучи чуть не отвѣсно, а ловля все продолжается въ полной тишинѣ и при этомъ разлившемся кругомъ теплѣ и свѣтѣ.

Какихъ здоровыхъ окуней выводилъ я тутъ порою, какихъ щукъ подрѣзывалъ своей удочкой, сколько было захватывающихъ, незабвенныхъ минутъ полного счастья и восторга!

Уже отерпла спина и босые ноги, уже давно хочется ѣсть, уже давно сожгло солнцемъ мою спину въ одной красной рубашечкѣ, а нѣтъ силъ, невозможно оторваться отъ этой рѣвки ни на минуту.

И сидишь такъ до самаго вечера, и только вечерній туманъ и голодъ стонитъ тебя, усталого и сырого отъ вечерняго тумана. И цѣлую ночь во снѣ то же уженье, цѣлую ночь тѣ же счастливыя минуты.

IV.

Я чувствовалъ, что ловля захватываетъ меня всего, я чувствовалъ, что становлюсь настоящимъ рыболовомъ.

Но настоящимъ рыболовомъ я сталъ еще позднѣе этого времени, когда уже учился въ духовномъ училищѣ и когда познакомился съ настоящимъ рыбакомъ, ловившимъ крупную рыбу сѣтями.

Это былъ послѣдній мой учитель — Игнатъ, который вѣчно таскался по Исети и, кажется, даже болѣе жилъ на ней, чѣмъ въ своей избушкѣ. У него даже было на родной Исети что-то въ родѣ первобытнаго жилища: какой-то маленькій, узенькій, вдавшійся въ рѣку полуостровокъ, на которомъ у него зиму и лѣто стоялъ рыболовный шалашикъ. Истинное жильё дикаря: вмѣсто стѣнъ какія-то тонкія, темныя отъ копоти и дыма жердочки, вмѣсто дверей — одна дыра, вмѣсто трубы какое-то отверстіе, въ которое видно голубое небо, вмѣсто пола — голая земля, давно-давно уже утолоченная его босыми ногами. И среди этого жилища — неизмѣнный котелокъ, въ которомъ что-то варится утромъ и вечеромъ, когда Игнатъ возвращается съ ловли или отправляется на рыбную ловлю.

Я еще позабылъ его сѣти, которыя вѣчно были развѣшены кругомъ его дикаго жилища, какъ какая-нибудь паутина.

Съ этими сѣтями онъ и возился день и ночь, то чиня ихъ и укладывая разными способами, то что-то мурлыча себѣ подъ усы, словно раздумывая, какъ получше словить въ эти сѣти разную хитрую рыбу.

Въ этомъ шалашѣ я однажды и познакомился съ Игнатомъ-рыболовомъ, который уже зналъ меня за рыбака и все удивлялся, что я провожу дорогое время даромъ за удочкой.

— Что удочка?—говорилъ онъ:—только даромъ время проводить съ удочкой! Вотъ сѣть — это дѣло!

Но сколько разъ я ни присматривался къ его сѣтямъ, онѣ казались для меня такими непосильными, что я могъ только мечтать о нихъ въ своемъ будущемъ...

Вдругъ, по веснѣ онъ поразилъ меня словленными щуками: цѣлый садокъ пестрыхъ щукъ, и всѣ такія икряныя и толстыя, все такое богатство!

У меня даже глазки разбѣжались.

— Какъ это ты ихъ, Игнатъ?

— А я этихъ щукъ добываю вителями! Вотъ какъ!—расхвастался онъ, немного выпивши сегодня по случаю хорошей добычи.—Вотъ ужъ проси у отца денегъ, — я сплету тебѣ два вителя! Сыты будете всѣ, какъ начнешь ловить линей около Петровока!

Я прекрасно зналъ, что такое витель,—видалъ ихъ у Игната около шалашика, — и тутъ же рѣшилъ приступить къ новой ловлѣ.

— Смотри, уходитъ тебя Игнатъ-рыболовъ съ твоими рыболовными вителями, накормишь ты раковъ!—предупредилъ меня отецъ, неохотно выдавая мнѣ деньги на мое новое рыболовное орудіе. Но мать, казалось, была даже довольна этой новой моей предприимчивостью и даже согласилась сдѣлать рыболову дальнѣйшія уступки.

Дѣло въ томъ, что я рѣшилъ, что, обзаведясь

витилемъ, сдѣлавшись настоящимъ рыболовомъ-промышленникомъ, я долженъ во всемъ уподобиться Игнату, т.-е., другими словами, сдѣлать и надѣть на себя такіе же точь-въ-точь пестрядиные, широкіе, грубые штаны и такую же рубаху съ красною пелеринкою, нахлобучить на голову точно такую же, но только бѣлую войлочную, широкополую шляпу, и такъ, въ такомъ рыболовномъ нарядѣ, и разѣзжать по рѣкѣ, съ босыми ногами и загорѣлымъ, темнымъ, серьезнымъ лицомъ, поражая этимъ деревенскихъ бабъ и дѣвокъ нашей деревни и разныхъ ребяташекъ, которые и такъ относились ко мнѣ съ какимъ-то почтеніемъ, хотя я былъ лишь немного старше ихъ годами.

Мать улыбнулась, выслушавши мои желанія, но согласилась сдѣлать все, только предупредивши насчетъ пестрядиныхъ штановъ, что они покажутся мнѣ очень тяжелы и грубы.

* * *

Меня уважили: Игнатъ охотно за двадцать копеекъ сплелъ мнѣ къ Петрову дню совершенно новый, прекрасный витиль, мать сшила, что слѣдуетъ изъ рыбацкой одежды, и я въ самый Петровъ день, когда, по словамъ Игната, особенно ходилъ толстый линь, раннимъ утромъ отправился на Исеть въ новомъ своемъ нарядѣ, пользуясь тѣмъ, что лодка Игната свободна.

Какая-то встрѣчная баба съ коромыслами даже пошатнулась отъ меня, увидавъ меня въ новыхъ, широчайшихъ пестрядиныхъ шароварахъ; какая-то бѣлобрысая дѣвчонка у самой моей лодки даже выпучила на меня глаза. Но я храбро отправился далѣе и, стоя во весь ростъ въ длиннѣйшей и тяжелой одеждѣ, разставивъ свои босыя ноги самымъ широчайшимъ образомъ, заломивъ бѣлую войлочную шляпу на своей стриженной головѣ, поплылъ вдоль берега шумѣвшей сегодня по случаю праздника деревни.

На берегу рѣки сидѣли дѣвушки, вѣроятно, любясь ея чудною гладью. Я вздумалъ проѣхать нарочно мимо нихъ, чтобы шикнуть своимъ нарядомъ; но онѣ встрѣтили меня такимъ обиднымъ хохотомъ, такими замѣчаніями все больше насчетъ моихъ пестрядиныхъ штановъ, что я готовъ былъ со штанами этими провалиться въ самую воду. Только что проѣхалъ ихъ,—встрѣчаются проказливые ребятишки, выскочившіе изъ одного огорода, въ которомъ, я увѣренъ, они воровали сладкую морковь и горохъ, если только не разоряли хищнымъ образомъ самый огуречникъ. Ребятишки встрѣтили меня такимъ оскорбительнымъ визгомъ и свистомъ, что мнѣ ничего не оставалось, какъ только обругать дикую деревню и переправиться на противоположный берегъ рѣки и подальше объѣхать эту насмѣшливую и глупую деревню. Вотъ я и на просторѣ родной Исети, и не знаю, куда

поставить витиль, видя предъ собою свободными всѣ приволья знаменитаго Игната, который сегодня, быть можетъ, не безъ жалости предоставилъ ихъ мнѣ, увлекшись своей чаркой.

„Поставлю,—думаю,—въ этомъ маленькомъ заливчикѣ: онъ еще говоритъ, что тутъ надняхъ добылъ пять линей самого большущаго роста“.

Устраиваю витиль самымъ старательнымъ образомъ, отъѣзжаю на берегъ и лежу на мягкой душистой травѣ, дожидая вѣрной и богатой ловли.

Но черезъ часъ ровно ничего нѣтъ въ моемъ витилѣ, кромѣ заскочившей какъ-то туда зеленоватой противной лягушки!

Вытряхиваю ее и ѣду ставить далѣе, облюбовавши высокіе зеленые камыши, въ которыхъ, Игнатъ говорилъ, водятся крупныя щуки.

Но нѣтъ и щукъ въ моемъ витилѣ, который я разставилъ для нихъ, кажется, самымъ надежнымъ образомъ

Что за чудо? Ужъ не сглазили ли меня нарядныя дѣвки? Ёду далѣе и ставлю витиль на самомъ линевомъ мѣстѣ.

Тутъ непременно должны быть лини; сегодня такъ ярко и жарко свѣтитъ солнышко,—вотъ они и залегли тутъ, какъ говоритъ Игнатъ, знающій доподлинно рыбы обычаи.

Но сегодня нѣтъ здѣсь и жирныхъ, лѣнивыхъ линей, и я теряюсь окончательно, гдѣ же я словлю сегодня рыбу.

Рѣшаюсь въ послѣдній разъ попытать сегодня свое счастье, и ставлю свой витиль наугадъ на одинъ мысочекъ.

Долго лежу я на травѣ и размышляю о сегодняшней неудачѣ. День уже клонится къ вечеру, а ровно ничего нѣтъ въ моей рыболовной пустой корзинѣ.

Впередъ махнувши рукой на неудачу и покорившись бѣдной участи, вытаскиваю черезъ часъ свой витиль, какъ вдругъ въ немъ что-то мелькнуло.

Щука? Щука и есть! Я дрожащими руками вынимаю витиль, тороплюсь къ берегу,—но въ моемъ витилѣ вмѣсто щуки какой-то несчастный щуренокъ!.. Но это меня такъ ободрило, что я рѣшилъ спрятать въ траву скорѣе свою добычу, а витиль непременно высунуть какъ можно старательнѣе, полагая, что вся неудача происходитъ именно оттого, что мой витиль весь въ тинѣ.

*
* *

Развожу на берегу костеръ, развѣшиваю у куста свой витиль, покрытый зеленью, тутъ же распластываю свои мокрые штанишки, въ которыхъ уже трудно ходить, съ сторонѣ вѣшаю на вѣточку свою бѣлую шляпу и съ аппетитомъ принимаюсь за обѣдъ, здорово проголодавшись.

Послѣ обѣда, приправленнаго самыми лучшими

надеждами на ловлю подь вечерь, немного забываюсь въ дремотѣ.

Просыпаюсь,—и не вѣрю своимъ глазамъ: витиля моего нѣтъ, нѣтъ и моихъ пестрядиныхъ штановъ, которые висѣли тутъ рядомъ. На куствѣ одна бѣлая моя шляпа.

Вскакиваю, оглядываюсь кругомъ, думая, кто же это подшутилъ надъ спящимъ рыболовомъ, но кругомъ хотя бы слѣдъ человѣка. Только однѣ пѣсни доносятся изъ разгулявшейся сегодня, по случаю лѣтняго веселаго праздника, деревни.

Бросаюсь къ костру,—тамъ только одни обручи отъ моего витиля и поясокъ отъ штановъ, и только.

Все это было такъ неожиданно, что я не вѣрю своимъ глазамъ, протираю ихъ со сна; но оказывается это не сонъ, а самая горькая дѣйствительность, какая только можетъ случиться съ бѣднымъ рыболовомъ!

Что дѣлать? Идти такъ черезъ расшумѣвшуюся сегодня деревню нѣтъ возможности, и приходится терпѣливо дожидаться вечера, или, лучше еще, самой темной ночи.

Задвигаю въ кусты свою лодочку, и чтобы кто не нашелъ меня въ такомъ странномъ нарядѣ, прячусь въ кусты, рѣшившись выждать время. Но недаромъ говорить русская пословица: „Одна бѣда не ходитъ“,—въ кустахъ подь вечерь комары и такъ больно кусаются, что я рѣшаюсь лучше засѣсть въ самую рѣчную воду.

Усаживаюсь подъ одинъ береговой широкой кустъ, но тамъ пощипываютъ раки!

Догадываюсь, и уже подъ самый вечеръ развожу большущій костеръ и сижу въ дыму, прокапчиваясь въ немъ, какъ рыба.

Но и въ дыму меня сегодня преслѣдуетъ горе: загорается моя красная рубашка, на спинѣ выгораетъ дыра, и только моя находчивость броситься въ рѣку спасаетъ меня отъ того, чтобы не остаться совсѣмъ голымъ, и я такъ безъ штановъ, въ дырявой рубашкѣ и остаюсь на берегу, чуть-чуть не проливая отъ горя слезы.

Приходитъ мысль украсть что-либо изъ деревенской одежды, которую обыкновенно развѣшиваютъ по огородамъ тутъ на берегу: но сегодня нѣтъ ровно ничего, какъ будто деревенскія бабы уже почуяли вора.

*
* *
*

Но вотъ, къ счастью, спускается ночь, и я подъ ея тѣнью пробираюсь въ пріумолкшую деревню, вооружившись на всякій случай толстой палкой.

Какъ вдругъ изъ одной подворотни съ лаемъ выскочила на меня какая-то маленькая собачонка. Я смущенъ, я начинаю отмахиваться палкою. Но она еще пуще, злѣе того заливается своимъ пискливымъ, звонкимъ голосомъ, такъ что и изъ другихъ дворовъ начинаютъ ей помогать другіе собачьи голоса, но уже значительно потолще. А

тутъ баба какая-то изъ окна еще науськиваетъ свою собачонку: „Дамка, усь! Дамка, усь его! усь! усь!“ И я, видя, что сейчасъ будутъ осаждать меня уже настоящіе псы, несущіеся изъ другихъ дворовъ на это науськиваніе, бросаюсь въ первый темный переулочекъ, перескакиваю въ какой-то огородъ черезъ прясло, и лечу и падаю черезъ какія-то огуречныя высокія гряды. Псы смѣшались, неожиданно потерявъ непріятеля за изгородью, но слышно, бѣжитъ какой-то мужикъ съ руганью: „Кого это проклятые черти ночью носятъ по чужимъ огородамъ!“ И мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ спрятаться въ темную и дымную баню, и присѣсть тамъ, въ надеждѣ, что люди побоятся разыскивать вора въ банѣ.

Мало по-малу все снова угомонилось въ этой части улицы; но я уже не посмѣлъ выйти изъ своего убѣжища, потому что страшно боялся чуткихъ собакъ, которыя всю ночь, казалось, вздумали, словно слыша меня, выть и лаять на деревнѣ.

Такъ въ этой дымной, темной, покрытой сажею банѣ я и просидѣлъ до самаго разсвѣта, когда, наконецъ, замолкли собаки и я могъ вылѣзти изъ маленькаго окна, выходящаго прямо на рѣку, и отправиться въ дальнѣйшее путешествіе къ дому.

Только утромъ, когда уже совсѣмъ разсвѣтало, я увидалъ отеческій домъ и задумался: какъ я войду въ него въ подобномъ нарядѣ? Но смѣтка

и тутъ выручила: я обошелъ его кругомъ, прокрался огородами и, добравшись до задняго двора, смѣло полѣзъ черезъ высокую оградку прямо въ коровникъ.

Казалось, все оканчивалось самымъ благополучнымъ образомъ, я уже дома, въ своей оградкѣ, — какъ вдругъ навстрѣчу мнѣ Агаѣя съ подойникомъ, и у Агаѣи, несмотря на то, что она знаетъ меня съ самаго дѣтства, — самое удивленное и перепуганное лицо, какъ будто она встрѣтила въ коровникѣ бродягу...

Но съ Агаѣей нечего было церемониться: я быстро прошмыгнулъ мимо нея, такъ, что она не успѣла даже ахнуть отъ удивленія, и въ минуту былъ уже въ кухнѣ, на полатяхъ.

Какимъ блаженствомъ, несмотря на страшный голодъ, показались мнѣ онѣ съ своимъ тепломъ и уютностью послѣ проведенной въ страхѣ ночи.

V.

Утромъ, сквозь чуткій сонъ, когда снились мнѣ самые непріятные сны, я слышу разговоръ въ кухнѣ:

— А сегодня нашъ рыболовъ, матушка, что-то безъ шароваръ воротился съ рыбной ловли!

— Что ты, Агаѣя?—говоритъ мать, съ тревогой въ голосѣ.

— Вотъ тебѣ святая ильинская пятница, ма-

тушка!.. Какъ есть нагишомъ, только въ одной красной рубашкѣ, а пестрядиныхъ шароваръ какъ не бывало!

— Да какъ же такъ?—недоумѣваетъ матушка.

— Да такъ безъ шароваръ и явился, матушка! Иду я доить коровушекъ съ подоиномъ, вымыла его, захватила три кусочка хлѣбца для коровушекъ, только хочу садиться подъ бѣлянушку, только думаю перекреститься, а онъ шастъ прямо черезъ заборъ въ нашъ коровникъ! Смотрю, родимая, думаю, ужъ не бродяжка ли какой забирается, а онъ безъ шароваръ такъ и лѣзетъ черезъ заборчикъ! Я уже хотѣла крикнуть отъ испуга, только вижу, это нашъ рыболовъ и съ корзинкой. Увидалъ меня,—сконфузился такъ, и шмыгнулъ поскорѣе въ воротца! Такъ это шмыгнулъ скорехонько, а самъ-то прикроется этакъ корзинкою то спереди, то сзади... Только вотъ щуреночка одного и нашла въ кухонкѣ въ его корзинкѣ!..

У меня даже забилося сердце отъ недобраго предчувствія. Успокоилъ меня голосъ матери:

— А гдѣ онъ теперь?

Агаѣя тотчасъ же отвѣтила, какъ будто успокаивая ее и жалѣя, что встревожила пропажей штановъ:

— А вонъ на полатяхъ просыпается! Должно быть, всю ночь не спалъ, бѣдненькій, съ рыбою уходился!

Мать сразу понизила голосъ, видимо, жалѣя спящаго несчастнаго рыболова, и это меня такъ успокоило, что я снова заснулъ, уже какъ ни въ чемъ не бывало.

Я думалъ, что утромъ начнутся пытки и самые обидные разспросы, но мать у насъ была умная и догадливая женщина, и даже слова не сказала по случаю поздняго прихода рыболова. И только тогда, когда за обѣдомъ неожиданно для меня подали на столъ моего щуренка, острый носъ котораго такъ противно выставился изъ-подъ корочки пирога, она на секунду взглянула на меня своими черными, пытливыми и насмѣшливыми глазами, какъ будто, показалось мнѣ, немного усмѣхнувшись.

Я покраснѣлъ подъ этимъ насмѣшливымъ взглядомъ матери, но постарался скрыть свое смущеніе.

* * *

Я думалъ уже, что исторія съ моими шароварами покончена, какъ вдругъ явилась какая-то баба, изъ деревни Верхозиной, и рассказала на кухнѣ открытіе, сдѣланное на лугахъ моимъ учителемъ Игнатомъ.

Она рассказывала, что въ самый ихъ праздникъ онъ видѣлъ пожаръ, отъ котораго, думали уже, сгорятъ всѣ ихъ луга и скошенное сѣно; но все обошлось самымъ благополучнымъ образомъ, а другой день праздника на странномъ луго-

вомъ пожаришѣ нашли лишь только обгорѣлые обручи витиля и еще... еще какой-то подозрительный и обгорѣлый поясокъ отъ штановъ...

При этомъ было достаточно прибавлено разнаго вымысла, на который вообще такъ тароваты деревенскія бабы, и этотъ вымыселъ такъ изобидѣлъ меня, что я далъ слово больше никогда не заглядывать въ деревню Верхозину и окончательно даже бросить рыболовство.

И я, дѣйствительно, забросилъ окончательно Верхозину своими посѣщеніями, забросилъ и свое рыболовство, такъ, было, наладившееся, а Игнатарыболова такъ возненавидѣлъ всей душою, что даже избѣгалъ встрѣчи съ нимъ, когда онъ попадался мнѣ на дорогѣ.

И странное дѣло: съ этихъ поръ я не только забылъ мои мечты о витиляхъ и крупной прожорливой рыбѣ, но даже какъ-то охладѣлъ и къ самой удочкѣ и къ самой рыбной ловлѣ. Какъ будто тамъ, въ Исетскихъ лугахъ, въ этотъ несчастный день моего перваго рыбнаго промысла, я сжегъ, вмѣстѣ съ своими шароварами и первымъ витемъ, и самую страсть къ рыбной ловлѣ!

Тимка- переселенецъ.

РАЗСКАЗЪ.

Съ Тимкою, деревенскимъ мальчиномъ, я познакомился самымъ оригинальнымъ образомъ.

Я еще раньше замѣчалъ, что какъ только отпавишься, бывало, на прогулку съ ружьемъ и гончими собаками, мимо нашей деревни Денисовки на Зайцево займище, такъ обязательно тебя уже засмотритъ изъ послѣдней избы маленькій Тимка. Засмотритъ, выбѣжитъ на задворки деревни, которыми я пробираюсь обычно на займище, чтобы мои собаки не потревожили деревенскихъ куръ и гусей, проводить меня самымъ внимательнымъ взглядомъ, и такъ и вопьется въ меня черными глазками, пока я не скроюсь въ лѣсочкѣ.

Не знаю: нравилось ли ему ужъ очень мое новенькое ружье, или восхищали его мои ученые собаки, или я самъ, въ охотничьей курточкѣ, въ оленьей шапкѣ съ ушами, или въ немъ самомъ зарождались пагубныя наклонности къ охотѣ на

зайчиковъ, но только любопытство этого мальчика меня страшно интересовало. Но столкнуться съ нимъ мнѣ не приходилось какъ-то въ эти прогулки на займище, потому что онъ, не то опасаясь моихъ собакъ, не то стѣсняясь меня, держался, какъ говорится, въ самомъ почтительномъ разстояніи.

Проводить за деревню, постоять еще у угла послѣдняго гуменышка, и скроется изъ глазъ незамѣтно.

Только разъ, въ третьемъ году, я его нагналъ отправляющимся въ лѣсъ въ одномъ со мною направленіи на Зайцево Займище, переважно такъ, не торопясь, шествующаго съ заткнутымъ топоромъ за опояску.

Фигура этаго малыша, такъ важно идущаго по пыльной дорожкѣ изъ деревни въ березовый лѣсъ, была до уморительности смѣшна.

Всего въ аршинъ величины, въ какихъ-то тяжелыхъ сапожищахъ съ развалившимися голенищами, съ топорикомъ за желтенькой опоясочкой, въ шапкѣ отца, онъ былъ преуморителенъ въ видѣ маленькаго мужичка. Я, было, уже прибавилъ шагу, чтобы догнать его и разспросить, куда онъ двигается, какъ онъ, оглянувшись, живо свернулъ, однако, не роняя своего достоинства, въ лѣсъ и живо скрылся въ его мелкихъ заросляхъ, чтобы избѣжать этой встрѣчи.

Я не пошелъ его разыскивать, своротилъ своей

дорогой на займище, и сразу собаки мои подняли зайца.

— Ай-яй-яй,—словно заплакалъ вдругъ молодой мой Шанго, — авъ-авъ-авъ, — заворилъ ему мой грубый Постойко, и гонъ, веселый гонъ подъ вечеръ начался за зайчиками, и спящій лѣсъ словно ожилъ подъ этими голосами.

Я живо занялъ лазъ—заячью тропку, куда обязательно долженъ былъ, въ концѣ концовъ, выскочить зайчикъ, и превратился весь въ слухъ и зрѣніе, что знакомо только нашему брату-стрѣлку.

Какъ вдругъ что-то мелькнуло у меня въ глазахъ сбоку. Оглядываюсь, и вижу, что Тимка залѣзъ на высокую березу, саженьяхъ такъ въ пятидесяти отъ меня, и тамъ такъ прекрасно устроился на сучкѣ въ наблюдательномъ положеніи, что я только разсмѣялся.

„Парень, должно быть, того... страстишка къ охотѣ у него заводится“,—подумалъ я и скоро позабылъ о немъ, весь уйдя въ зрѣніе и слушая лай моихъ собакъ, который раздавался уже близко на болотѣ.

По слуху заяцъ долженъ быть уже здѣсь; но нѣтъ его на лазу. Я уже думалъ, что онъ тутъ гдѣ-нибудь въ кустахъ, какъ, поворотивъ голову въ сторону Тимки, вижу, что зайчикъ преспокойно выбѣжалъ уже на лужокъ и усѣлся между мной и Тимкою, словно раздумывая: куда ему броситься, попавши въ такую засаду. Я вскидываю къ плечу

ружье; бацъ, раздается выстрѣлъ оглушительный. Дымъ застилаетъ все бѣлымъ облакомъ, и я вдругъ слышу, что-то такъ тяжело упало на землю. Смотрю, Тимки нѣтъ на деревѣ, онъ свалился, бѣдный, съ березы и ползетъ, чтобы поднять отлетѣвшую въ сторону шапку.

— Ты убился? — спрашиваю его, подбѣжавши къ нему и испугавшись.

Но Тимка спокойно отвѣчаетъ:

— Колѣнко малость зашибъ...

И отъ стыда, что онъ свалился на землю отъ звука выстрѣла, онъ живо скрывается въ лѣсо-чекъ, захвативъ свою шапку и топорикъ.

Въ результатѣ оказалось: заяцъ благополучно убѣжалъ, Тимка тоже скрылся прочь изъ глазъ, въ большомъ смущеніи, а псы мои окончательно потеряли зайца и не знали, что дѣлать. Но все это вышло такъ смѣшно и неожиданно, что я все время прогулки смѣялся, вспоминая этотъ забавный случай.

*
* * *

Больше Тимка уже не показывался мнѣ на глаза, а потомъ скоро и совсѣмъ уѣхалъ изъ деревни съ своимъ отцомъ и матерью въ Киргизскія степи.

Были голодные года; хлѣбъ всходилъ и потомъ выгоралъ на солнцѣ на голой пашнѣ; мужики измучились, размотали скотину, имущество, и нѣкоторымъ пришлось, поневолѣ, бросить родину и

ѣхать въ Сибирь отыскивать болѣе благодатныя мѣста для жизни.

Много идетъ народа въ Сибирь отъ бѣдности, меньше отъ недостатка.

Такъ же собрался и направился въ Киргизскія степи и отецъ Тимки, передъ отѣздомъ заколовъ свою хижину и распродавши все, что было на дворѣ живого. Тяжело было видѣть, какъ собирался онъ куда-то въ неизвѣстныя страны изъ родной, хотя бѣдной, но милой сердцу деревни: мать Тимкина ревѣла, какъ, говорится, корова, катаясь по полу, когда пришли ихъ провожать сосѣди; бабушка Тимкина заливалась неслышными слезами, причитая у телѣги, и только одинъ Тимка, казалось, нисколько не страдалъ отъ разлуки съ деревней и думалъ о томъ, какъ привольно будетъ ему съ отцомъ въ степи, и какъ заживутъ они славно на „новомъ мѣстѣ“, на привольѣ.

Тронулась ихъ телѣжка, нагруженная въ видѣ повозочки съ дорожнымъ изъ рогоза верхомъ, распрощались они съ толпою ихъ провожавшихъ родныхъ и знакомыхъ людей и отправились по пыльной дорогѣ въ Челябинскъ.

Тамъ, за Челябинскомъ, есть киргизскій городъ—Кустанай, за нимъ лежали еще свободныя незанятые переселенцами черноземныя земли, и Тимка съ отцомъ направились туда, обѣщая писать бабушкѣ своей съ „новыхъ мѣстъ“, если мечты о новомъ счастьѣ не будутъ разбиты.

Долго не было отъ нихъ вѣсточки, какъ вдругъ сельскій староста Иванъ принесъ бабушкѣ Тимка письмо.

Чтецовъ нѣтъ въ деревнѣ, и бабушка устремилась на дачу ко мнѣ и прибѣжала съ такою радостью, что я думалъ, ея любимый внучекъ Тимка воротился.

— Прочитай ты мнѣ, золотой ты мой, писульку... Вѣрно, что пишетъ мнѣ въ ней Тимка. Тимка, мой внучекъ, вѣдь, грамотный у насъ: годъ цѣлый бродилъ учиться въ школу... И съ этими словами подала мнѣ сѣрый самодѣльный конвертъ, запечатанный какою-то сѣрою вмѣсто сургуча и съ написаннымъ косо и грязно адресомъ въ нашу деревню.

— Дошло, вѣдь, до меня!—между тѣмъ говорила бабушка:—а я думала, что въ вѣки вѣчныя не дойдетъ до меня писулька, и все молилась Богу, чтобы она получилась.—И старушка уже впередъ заливалась горячими слезами отъ радости, что до нея долетѣли вѣсточки отъ сына и Тимки.

Въ письмѣ немного было написано, но каждое слово было событіемъ для бабушки Онисьи.

„Установились, писалъ Тимка, въ Сайгачскомъ поселкѣ... избы еще нѣтъ, а живемъ въ земляночкѣ... Савраско дорогой кончился:—бабушка при этомъ только охнула и залилась слезами...—и мы съ тяткой купили быка, я боронилъ на немъ пашню... А мамка тоскуетъ все и все что-

то скучается, какъ родилась дѣвчонка Пашка“...— Бабушка при этомъ извѣстїи только склонила голову и проговорила: „Дочку, значитъ, Богъ далъ“, Я же продолжалъ разбирать писульку.

„Кругомъ одни киргизцы... Народъ страшнѣйшій, и все ѣздитъ верхомъ съ предлинной палкой. Воруютъ страсть... Украли у насъ курицу“...— Бабушка даже ахнула при этомъ извѣстїи и заворчала:—Говорила сыну: лучше не ѣзди въ степь, тамъ чего хорошаго, только обокрадутъ ордою.

Я продолжалъ:

„Хлѣба взошли хорошіе“...

— Дай ты имъ, Господи!—проговорила бабушка.

„Посадили рѣпу“...—Ахъ вы, золотые вы мои,—воскликнула бабушка,—и рѣпки не забыли на новинѣ! На новинѣ какая рѣпа родится! Тимка очень ее любитъ

„Паньку маленькую еще не крестили, нѣтъ попа по близости, а ѣхать въ село далеко“...

Бабушка даже встрепелась: „Господи, Боже мой, вотъ куда заѣхали: даже нѣтъ духовенства... Такъ некрещеный ребенокъ и живетъ... Да хоть имя-то нарекли ей бѣдненькой, моей внученькѣ, хоть облила ее бабушка, которая принимала ее, святой водицей?“ И бабушку такъ опечалило это извѣстїе, что некому окрестить ее внученьку, что она еще горше залилась слезами. И сколько я ей потомъ ни читалъ далѣе, сколько тамъ ни было еще новостей, она словно не слушала ихъ и не унималась.

— Шутка ли, некрещенымъ ребеночекъ живетъ!.. А вдругъ Господь пошлетъ за его душенькой? Какой грѣхъ у отца, у матери будетъ на душѣ, въ вѣкъ не замолятъ, такъ и пойдутъ оба въ адъ за ребенка, за что не окрестили его заживо, такъ тамъ и погибнуть на вѣкъ! — говорила она и словно рвалась туда. Ее это такъ возмутило, что она съ гнѣвомъ ушла отъ меня, словно осердившись и на меня, и на эту „писульку“...

А „писульки“ изрѣдка все нѣтъ-нѣтъ да приходили къ бабушкѣ, и я долженъ былъ не только ихъ читать, но и отвѣчать на нихъ съ ея словъ, почему между нами завязалась окончательная дружба съ бабушкой Онисьей Ивановной.

Бабушка была очень довольна, что я интересуюсь судьбою ея Тимки, и заставляла писать свои новости: кто на комъ женился въ деревнѣ, у кого кто родился за время ихъ отсутствія, и у кого какое случилось несчастье, и даже о томъ, что у ней отелилась корова...

Тимка тоже не отставалъ въ подробностяхъ о своемъ Сайгачскомъ поселкѣ у какого-то неизвѣстнаго соленого озера, по поводу котораго бабушка говорила: „Бѣдненькіе, даже на соленую воду сѣли на новыхъ мѣстахъ; вѣрно, нѣтъ тамъ другой воды для питья, какъ только вода-соло-дынка. Изволь-ка попить весь вѣкъ соленую воду и жить съ киргизцами!“

А Тимка сообщалъ своей бабушкѣ разныя не-

ожиданныя новости: то черезъ ихъ поселокъ пронеслось облако саранчи, то на поляхъ у нихъ появилась „кобылка“, то „баранта“ угнала изъ ихняго поселочнаго стада столько-то головъ скота, который потомъ съ великимъ трудомъ нашли въ какой-то тущобѣ; то, что черезъ ихъ деревню прошелъ караванъ верблюдовъ, и на нихъ привезли какіе-то далекіе китайскіе товары. И мнѣ нужно было вдобавокъ къ этимъ сообщеніямъ читать чуть не цѣлыя лекціи, объясняя бабушкѣ, что такое саранча, которую она сроду не видѣла, и показывать на картинкахъ верблюдовъ съ ихъ горбами.

* * *

Разъ прибѣжала ко мнѣ съ воемъ бабушка Онисья Ивановна, даже безъ писулечки.

— Ой, родименькій ты мой, должно быть, у сына въ степи случилось несчастье...

— Да что такое, бабушка?

— Сонъ лихой, нехорошій сонъ видѣла сегодня ночью!...

— Да кто же вѣритъ снамъ, бабушка? Мало ли что приснится ночью человѣку? — урезониваю ее, удивившись, что она явилась ко мнѣ даже со снами. Но бабушка меня не слушала:

— Ой, не говори, золотой ты мой! Вѣкъ, вѣдь, я прожила, а ты только начинаешь... Сонъ сну рознь. Это такой сонъ... это такой сонъ, что

знаю, что ужъ не даромъ... что-нибудь случилось у нихъ. Вотъ погоди, какъ придетъ писулька!

— Какой же сонъ, бабушка? — заинтересовался я.

— А будто верблюды эти на меня напали и топчуть мою грудь, тянуть морды свои поганья къ губамъ моимъ и хотятъ ими, зубищами своими, меня загрызти... Ужъ это я знаю, что не къ добру! Вотъ помяни меня, миленькій, какъ придетъ писулька!

И писулька какъ на грѣхъ скоро пришла, и въ ней Тимка писалъ, что мать его сильно „заскудалась“.

— Вотъ я говорила тебѣ! — наступила на меня старушка. — Не правда моя, что я видѣла передъ этимъ сонъ? — И у меня даже не нашлось словъ, такъ было жаль ее, чтобы ее въ этомъ разувѣрить.

— Съ чего же она заскудалась? — спрашиваю я бабушку.

— А съ чего, какъ не съ чужого глаза? — И бабушка начала клясть киргизъ, орду, какъ она называла ихъ, и всю степь съ ея горемъ для переселенца.

Слѣдующее письмо было еще неутѣшительнѣе: Тимка писалъ, что мать его померла, и вмѣстѣ съ ней они похоронили и его маленькую сестренку.

Бабушка такъ и повалилась у меня на полу отъ этого горя. Даже горничная моя, Даша, разрыдалась надъ ней.

Едва уговорили старуху, которая все время повторяла:

— Говорила я сыну: не ѣзди на орду; нѣтъ, не послушалъ, поѣхалъ. Вотъ тебѣ, остался безъ бабы, женись хоть на киргизкѣ! То-то горько теперь сынку! То-то сладко теперь бѣдному Тимкѣ! А Панька такъ и кончилась безъ святого крещенія, и сношку мою, поди, тоже безъ покаянія и отпѣтія свалили въ могилу?—И бабушка снова залилась слезами и покатила по полу; ее увели въ кухню, чтобы напоить ее тамъ горячимъ чайкомъ.

Послѣ того долго не было никакой вѣсточки отъ Тимки, и бабушка говорила:

— Безпремѣнно вымерли... и Тимка померъ, и сынокъ мой дорогой... Безпремѣнно вымерли въ этой проклятой ордѣ отъ этихъ недобрыхъ киргизцевъ.

*
* *
*

Какъ вдругъ она прибѣгаетъ ко мнѣ прямо въ кабинетъ и даже трясется вся, улыбаясь отъ радости:

— Золотой ты мой, вѣдь, Тимка-то мой вышелъ изъ степи!..

Я не понялъ даже сразу, что это значило.

— Явился, вѣдь, онъ, Тимка-то!.. Сегодня на зарѣ явился изъ орды въ деревню!..

— Съ сыномъ твоимъ?—спрашиваю я, догадавшись, что, вѣроятно, воротились переселенцы.

— Одинъ одинешенецъ! Какъ есть вотъ одинъ!.. Отецъ его бросилъ... въ степи его бросилъ у киргизцевъ.

Я не вѣрилъ ушамъ.

— Вотъ тебѣ святые иконы! бросилъ и куда самъ скрылся, направился — неизвѣстно! Тимка говоритъ—на золотые пріиски, чтобы заработать тамъ деньги. Но только я не вѣрю этому,—просто мужикъ рѣшилъ разсудка!..

— Какъ же онъ могъ бросить его? Вѣдь Тимка еще маленькій.

— Тимка сказываетъ, что онъ отдалъ его въ покорыши къ одному хохлу, а самъ ушелъ дальше въ Сибирь зарабатывать деньги.

— Да какъ же онъ дошелъ-то?—доспрашиваюсь я у бабушки,—Тимка-то!

— А ужъ не знаю какъ, а только пришелъ и спить теперь на полатяхъ, какъ его я накормила голоднаго блинами!

Исторія эта съ Тимкою меня страшно заинтересовала, и я вечеромъ самъ отправился къ бабушкѣ Онисѣ, чтобы повидаться съ Тимкой.

Тимка уже выпался и сидѣлъ у окна, словно скучая по киргизской степи. Встрѣтилъ онъ меня въ избѣ, какъ большой, учтивымъ образомъ и пригласилъ даже садиться на лавку.

Я сѣлъ на лавочку и началъ разспросъ.

Тимка отвѣчалъ бойко и толково, и я замѣтилъ въ немъ, что онъ развитъ не по лѣтамъ и даже

цѣнить себя не какъ подростка какого, а какъ уже взрослого человѣка, хотя онъ отъ полу не много подался послѣ того, какъ я видѣлъ его свалившимся отъ страха съ березы.

А Тимка разсказывалъ:

— Какъ померла мамка, тятка видитъ, что жить ему не у кого, отвелъ меня къ хохлу, Роскѣ, въ покормыши, а самъ отправился въ Сибирь на золотые. Баеть мнѣ: живи, Тимка, у хохла, робъ на него! Какъ я разживусь деньгами, такъ прійду сюда я тебя выкуплю у хохла, и мы обзаведемся опять хозяйствомъ! Сказываютъ, здорово зарабатываютъ на золотыхъ... такъ деньги и гребутъ лопатами! Далъ мнѣ родительское благословеніе и ушелъ въ самый полдень.

— Что же ты не жилъ у хохла,—спрашиваю,—если отдалъ тебя отецъ въ хорошіе люди?

— А хохлиха больно ужъ злая у этого хохла, хоть самъ хохолъ и добрый. Такая злющая, такая злющая, что все помыкала меня и плохо кормила!..

— Какъ же ты ушелъ?

— А какъ на полѣ боронить меня одного оставили хохлы, бросилъ я воловъ, захватилъ ковригу хлѣба и тягу. Дорогу я зналъ на Кустанай: съ тяткой мы много разъ возили туда хлѣбъ на продажу, и пошелъ туда окольною дорогою, чтобы меня не нагнали верхомъ хохлы и не воротили. Да разъ заблудился около деревни и попалъ къ самой ордѣ! Что я страху тогда-съ наимался. Соба-

чищи у нихъ здоровыя... Хорошо, что у меня была въ рукахъ, на случай, дубинка. Вскочили на меня собачищи, подняли лай, обступили меня, я думалъ, разорвутъ на части. Да только выбѣжали скоро киргизята и отняли. Привели меня въ юрту свою, даже ахнули всѣ, откуда я появился въ ихъ степи. Киргизки эти затараторили по-своему; киргизята эти меня обступили, думалъ, сварятъ меня въ котлѣ вмѣстѣ съ бараномъ! Нѣтъ, не тронули, побоялись меня, даромъ, что сердиты на русскихъ. Даже кумысомъ попотчевали, я здорово напился тогда у нихъ этого кумыса, даже охмелѣлъ и не помню, какъ спать повалялся.

Только вечеромъ разбудили меня, когда прѣхали сами киргизы. Побалакали они надо мной. Однако, одинъ нашелся такой, спросилъ меня, по-нашему, и я ему сказалъ: не тронь меня, я иду къ бабушкѣ въ гости въ деревню. Отпустили, не тронули, даже киргизка одна мнѣ завернула колобковъ вареныхъ на салѣ въ дорогу! Съ этими колобками я и пришелъ въ г. Кустанай и зашелъ на тяткину фатеру. Тамъ признали меня, накормили и направили меня къ дому съ попутнымъ обозомъ. Шелъ съ ними до своего Челябинска, и мужики попались такіе добрые, что одинъ взялъ меня къ себѣ даже на возъ!

— Съ ними и попалъ ты въ Челябину?—спрашиваю вдругъ замолчавшаго мальчика.

— Съ кѣмъ же, какъ не съ ними?

— А какъ же ты оттуда сюда, по желѣзной дорогѣ?

— Зайцемъ, — отвѣчаетъ важно-преважно Тимка.

— Подъ лавкою?

— Все время подъ лавкою... даже не слыхалъ, какъ пріѣхали на станцію Мишкино, и меня добрые люди разбудили. Кондуктора даже и не видали меня, какъ я прокатился по этой желѣзной дорогѣ! — Онъ засмѣялся.

— А съ Мишкина пѣшкомъ?

— Какъ же иначе?

Бабушка на него не могла насмотрѣться. Онъ казался ей теперь уже образованнымъ, и она постоянно говорила:

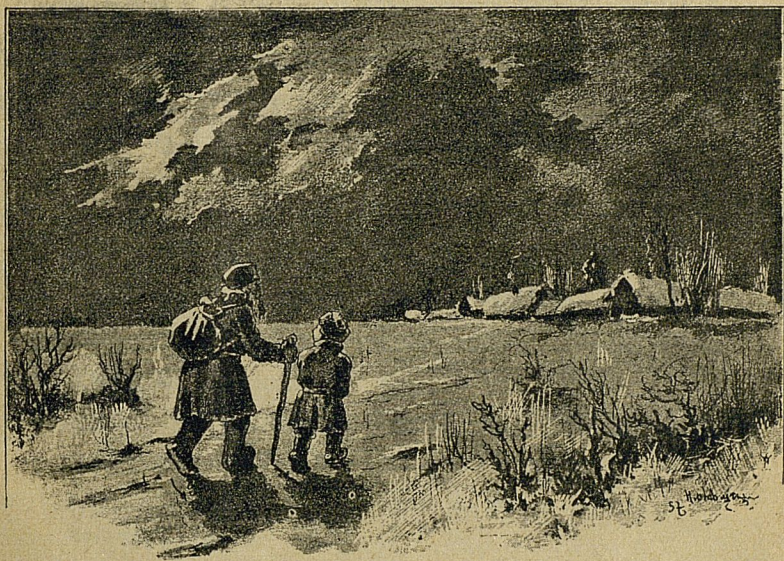
— Тимошка-то у меня, кормилецъ-то мой, вѣдь, совсѣмъ-совсѣмъ на мужика смахиваетъ: даже съ ребятами, товарищами, своими не якшается...

Тимка, дѣйствительно, не сталъ якшаться съ ребятами, какъ бы считая ихъ уже не ровнею, и ребята, его сверстники, на него смотрѣли, какъ на героя, а онъ имъ вралъ про орду такіа нелѣпости, что смѣшно было и послушать. А дѣвчонки, тѣ окончательно были поражены его поведеніемъ и, вѣроятно, въ душѣ считали его сказочнымъ героемъ.

— Тимка-переселенецъ идетъ! — шептались онѣ, видя его шествующимъ въ развалку, какъ ходятъ киргизы по улицѣ. — Тимка-то!.. Тимка-то,

дѣвки, — говорили онѣ, завидѣвъ его въ окнѣ бабушкиной избышки.

Тимка теперь герой. Тимку называютъ въ этой деревнѣ теперь „бывальцемъ и знающимъ“. Тимку даже нарочно вечеромъ зимой ходятъ слушать въ деревнѣ. А бабушка на Тимку не посмотрится и уже прочить ему какую-то дѣвку въ невѣсты.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Черный день	5
Горе-рыболовъ	26
Тимка-переселенецъ	51

Книгоиздательство Д. И. ТИХОМИРОВА.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

НОВЫЯ КНИГИ:

БѢЛОУСОВЪ, И. Ласточки. Разказы для дѣтей младш. возр. Съ рис. Ц. 20 к.

— Мамины сказки и разказы. Съ рис. Ц. 30 к.

— Дѣтскія картинки. Съ рис. Ц. 25 к.

ГАТЦУКЪ, В. (Пер.). Коридорные. Съ рис. Ц. 5 к.

— Смѣтливый малый. Съ рис. Ц. 5 к.

— Четвероногий Робинзонъ. Съ рис. Ц. 5 к.

— Часовой въ плавняхъ. Съ рис. Ц. 3 к.

ЛАГЕРЛЕФЪ, С. Бѣлоснѣжка. Въ пересказѣ Е. Тихомировой. Съ рис. Ц. 20 к.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Побѣдитель. Съ рис. Ц. 30 к.

НОСИЛОВЪ, К. Разказы для дѣтей. 1-ый сб. Съ рис. 25 к.

— Разказы для дѣтей. 2-ой сб. Съ рис. Ц. 35 к.

НАЖИВИНЪ, И. О чемъ плакала желейка. Съ рис. Ц. 10 к.

ПОПОВЪ, Н. Дѣтскій театр. 2-е изд. Съ рис. Ц. 75 к.

ПОКРОВСКИЙ, С. Путешествіе Н. М. Пржевальскаго, Съ рис. Ц. 20 к.

— Путешествіе Г. Е. и М. Е. Грумъ-Гржимайло. Съ рис. Ц. 15 к.

РУБИНОВА, Р. (Пер.). Таинственный садъ. Съ рис. Ц. 50 к.

СЕРГѢЕНКО, П. Разказы. Съ рис. Ц. 50 к.

ТИХОМИРОВЪ, Д. И. Изъ недалекаго прошлаго. Сборн. стих. А. М.

Жемчужникова и др. Ц. 15 к.

ШВЕДЕРЪ, Е. Лѣто красное. Съ рис. Ц. 20 к.

— На озерѣ. Съ рис. Ц. 10 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ:

1) „ЮНАЯ РОССИЯ“ („Дѣтское Чтеніе“).

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ въ выпускъ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ завед., въ городскія, по положенію 1872 г., училища и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

Журналъ даетъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ, а также късколько

бесплатныхъ приложений.

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе лучшія литературныя и научныя силы.

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ. Мин. Нар. Просв. разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и бесплатныхъ народныхъ читальнъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») безъ «Педаг. Листка»:

Безъ доставки на годъ	4 р. 50 к.
Съ достав. и пересылк. на годъ	5 » — »
Безъ доставки на $\frac{3}{4}$ года	3 » 50 »
Съ достав. и перес. на $\frac{3}{4}$ года	3 » 75 »
Безъ доставки . . . на $\frac{1}{2}$ года	2 » 25 »
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года	2 » 50 »
Безъ доставки . . . на $\frac{1}{4}$ года	1 » 15 »
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{4}$ года	1 » 25 »

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педаг. Листкомъ»:

Безъ доставки на годъ	5 р. — к.
Съ достав. и перес. на годъ	6 » — »
Безъ достав. на $\frac{3}{4}$ года	3 » 75 »
Съ достав. и перес. на $\frac{3}{4}$ года	4 » 50 »
Безъ доставки . . . на $\frac{1}{2}$ года	2 » 50 »
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года	3 » — »
Безъ доставки . . . на $\frac{1}{4}$ года	1 » 25 »
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{4}$ года	1 » 50 »

Подписная цѣна на „Педагогическій Листокъ“ (безъ „Юной Россіи“) **ДВА РУБЛЯ, на полгода ОДИНЪ РУБЛЬ.**

За границу «Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педагогическимъ Листкомъ» 8 руб.

За перемѣну адреса 28 коп. марками.

Объявленія, помѣщаемыя въ журналахъ: 1 стр. — 40 руб., $\frac{1}{2}$ стр. — 20 руб.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.**

Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

Редакція и контора журналовъ помѣщаются въ Москвѣ, на Большой Молчановкѣ, домъ № 18 — Д. И. Тихомирова. Адресъ для иногородныхъ: Москва, въ редакцію «ЮНАЯ РОССИЯ» («Дѣтское Чтеніе»).

Каталогъ книгоиздательства Д. И. Тихомирова высылается бесплатно

0

2007084144